

УДК 94.339.5(55)

Н. А. Наумова

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ХОРАСАНА И ЮЖНОЙ ПЕРСИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ (НА ПРИМЕРЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА В МЕШХЕДЕ И ВИЦЕ-КОНСУЛЬСТВА В БЕНДЕР-БУШИРЕ)

В представленном материале рассматривается восприятие российскими дипломатами, работавшими в генеральном консульстве в Мешхеде и вице-консульстве в Бендер-Бушире состояния экономики Хорасана и Южной Персии накануне Первой мировой войны. Они собственные отчеты сопровождали дополнительной информацией, включающей географические сведения, различную информацию полезную путешественникам и предпринимателям из России, оказавшимся на территории Персии. В целом дипломаты, отмечали кризисное состояние народного хозяйства Восточной и Южной Персии накануне Первой мировой войны, связанные с доминированием архаичных форм организации производства и медленными темпами модернизационных процессов. Ситуацию усугубляла политическая нестабильность в стране и юридическое бесправие большей части населения. В статье показано, что первостепенное внимание дипломаты уделяли оценке внешнеэкономического потенциала Персии и прежде всего

Хорасана и Южной Персии, входивших в зону ответственности их дипломатических миссий. Дипломаты признавали существенные достижения России в развитии экономических связей с Хорасаном, входившим в ее сферу влияния и даже в Южной Персии. В тоже время они отмечали факторы, мешавшие дальнейшим успехам российского экспорта в Восточную и Южную Персию. Во-первых, отсутствие хорошей транспортной инфраструктуры, соединяющей России с данными регионами Персии. Во-вторых, недостаточная поддержка экспортеров со стороны Санкт-Петербурга. В-третьих, непродуманная политика потенциальных экспортеров из России, не в полной мере учитывающих специфику персидского рынка. При устранении данных проблем Россия могла значительно увеличить свой экспорт.

Ключевые слова: Персия, дипломаты, Хорасан, Персидский залив, внешняя торговля, экспорт, таможенные тарифы.

Natalia Naumova

THE STATE OF THE ECONOMY AND FOREIGN TRADE OF KHURASAN AND SOUTH PERSIA ON THE EVE OF WORLD WAR I IN THE REPORTS OF RUSSIAN DIPLOMATS (THE CASE OF CONSULATE GENERAL IN MESHED AND VICE-CONSULATE IN BANDAR BUSHEHR)

The paper features the state of Khurasan and South Persia economy on the eve of World War I as seen by Russian diplomats who served in Consulate General in Meshed and Vice-Consulate in Bandar Bushehr. The diplomats supplemented their reports with additional information about geographic features and other subjects, which could be useful for travelers and businessmen from Russia during their stays in Persia. On the whole, the diplomats pointed out that the economy of East and South Persia was in the state of crisis on the eve of World War I, which was caused by the prepotency of archaic forms of organization of production and sluggish pace of modernization. Other factors that aggravated the situation were political instability in the country and the lack of legal rights among the majority of the population. The author found out that the diplomats focused their attention on the assessment of the potential of Persia, particularly Khurasan and South Persia, which were located within the zone of their diplomatic missions,

in terms of foreign trade. The diplomats admitted Russia's considerable achievements in the development of economic relations with not only Khurasan, which was located in the Russia's zone of influence, but also South Persia. At the same time the diplomats pointed out some factors which hampered further advance of Russian export to East and South Persia. The first obstacle was the lack of developed transportation infrastructure between Russia and the above-mentioned regions of Persia. Another inhibitory factor was inadequate support for exporters on the part of Russian government. One more factor was ill-conceived policies of Russian exporters-to-be, who did not take into account the specific features of Persian market. Provided those obstacles were removed Russia could increase considerably its export.

Key words: Persia, diplomats, Khurasan, the Gulf, foreign trade, export, custom duties.

В начале XX в. Россия стремилась укрепить геополитические позиции на Ближнем Востоке после поражения в русско-японской войне, негативных последствий первой русской революции и других неудач. Особый интерес Санкт-Петербург проявлял к сохранению своего доминирования в Персии, где он вступал в острый конфликт с Великобританией. Британо-российское соглашение 1907 г. разделило Персию на сферы влияния [5, с. 586–593]. В то же время в России понимали необходимость расширения экономического присутствия в Персии, без чего невозможно было говорить о сохранении политического лидерства в стране. В данном отношении значительный интерес представляют донесения российских дипломатов, работавших в Восточной и Южной Персии. Регион оказался в уникальном положении. Хорасан попал в сферу влияния России, большая часть Систана и Белуджистана в сферу влияния Великобритании, а между ними находилась значительная нейтральная зона. Поэтому на примере региона можно проследить отчеты российских дипломатов, работавших в разнообразном социально-экономическом и политическом контексте.

Крупнейшим российским дипломатическим представительством России в Восточной Персии являлось генеральное консульство в Мешхеде. Оно выполняло разнообразные функции, включая защиту интересов поданных Российской империи в Хорасане, сбор информации о специфике развития региона и содействие развитию его связей с Россией. Кроме этого консульство представляло интересы Франции, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Сербии. В городе также действовало генеральное консульство Великобритании, представлявшее интересы Османской империи, Афганистана и ряда других государств [3, с. 38]. С 1913 по 1914 гг. его возглавлял действительный статский советник, выпускник Института восточных языков князь А. И. Добижа. Он являлся опытным дипломатом, хорошо знавшим Персию, работая с 1898 г. в Исфахане. В 1915 г. его сменил Н. П. Никольский, секретарь и драгоман консульства в Реште с 1897 г., в Астрабаде в 1897 г., с 1898 г. драгоман в Тегеране, с 1903 г. консул в Керманшахе.

Российские дипломаты уделяли значительное внимание развитию Хорасан и Мешхеда, который принадлежал к числу крупнейших городов Персии (около 100 тыс. чел.). Они не могли обойти стороной тот факт, что город считался одним и религиозных центров страны, где находилась могила (мавзолей) Имама-Ризы, восьмого шиитского имама, потомка пророка Мухаммеда в седьмом поколении [12, р. 14]. Он пользуется большой популярностью среди шиитов. Ежегодно гробницу в начале XX в. посещало до 50 тыс. чел.

Н. П. Никольский в своем отчете дает анализ топографии, климата, состояния дел в экономике и демографии Хорасана. Кстати, наблюдая доминирование в регионе континентального сухого климата, генеральный консул указывает на первые признаки влияния хозяйственной деятель-

ности человека на экосистему провинции. Так, в Себзеваре и в окружающий город области из-за активного применения орошения при выращивании хлопка появились первые признаки заболачивания территории и появление лихорадки, чего раньше не было [3, с. 41]. Генеральный консул указывает объекты, которые могут быть полезны российским предпринимателям и другим поданным России. В частности, описывая Мешхед, он выделяет места, где можно поменять валюту и совершить другие финансовые сделки. Кроме Учетно-ссудного банка, о котором речь пойдет чуть позже, в городе действовал персидский Шахиншахский банк. Помимо этого, на местном базаре имелось много пунктов обмена валюты в лице банкиров-саррафов. В Себзеваре и Кучане действовали агентства Учетно-ссудного банка, в Мамед-Абаде, Нишапуре его корреспондентства. В регионе присутствовали и британские банки, в Кучане находился комиссионер Английского банка. Кстати, деятельность Шахиншахского банков, проникновение в страну российских и английских банков вело к разорению многих саррафов. [1, с. 43].

С размещением путешественников возникли в Мешхеде большие проблемы. В городе отсутствовали современные гостиницы, и путешественникам приходилось останавливаться в караван-сараях или в генеральном консульстве. Еще хуже обстояло дело в провинциальных городах. Генеральный консул скрупулезно дает информацию о расстоянии между населенными пунктами, на чем лучше туда добираться, на каком виде транспорта, и в какое время года, с указанием существующих тарифов. Последнее обстоятельство имело большую практическую значимость, поскольку, так как не осведомленный путешественник мог значительно переплатить за переезд в Хорасане. Важное место в донесении Н. П. Никольского занимает информация о ценах на местных рынках, мерах весов и обменном курсе валют. В то же время, дипломат отмечал некоторые проблемы с изучением отдельных регионов Восточной Персии. К таким по праву относилось Келатское ханство, которое европейцы почти не посещали в виду его труднодоступности и непримиримой политики местных ханов к иностранцам [3, с. 46].

Для россиян, оказавшихся в Хорасане, особую роль играла информация о размещении агентов генерального консульства в других городах, где они могли в случае необходимости получить помощь и убежище. Согласно отчету Н. П. Никольского агенты консульства находились в Себзеваре, довольно крупном городе провинции, имевшем почти 40 тыс. жителей, Кучане, Мамед-Абаде.

Выделяя основы местной экономики, Н. П. Никольский констатировал, наличие традиционно набора секторов, присущих Персии в целом, в том числе для ее городов (ремесло, торговля, земледелие) [3, с. 38]. Мешхед становится одним из центров производства знаменитых персидских

ковров, в нем располагалось около 150 ковровых фабрик и мастерских. Среди достижений научно-го прогресса следовало отметить наличие электростанции и телефона, свидетельствующих о медленном проникновении научно-технического прогресса на восток Персии.

Описывая местную экономику, Н. П. Никольский избегает оценочных суждений, останавливаясь на статистических сведениях и общей информации. Основу сельского хозяйства Хорасана составляло производств хлопка и риса. Правда, не очень понятно, почему дипломат, упускает из виду выращивание зерновых культур и животноводство? Как российского дипломата его, прежде всего, интересовало состояние дел в торговле России с Хорасаном и соседними провинциями. Он выделял ключевые товары, составлявшие основу российского экспорта (керосин, чай, посуда, сахар, текстиль, спички, папиросы, металл и др.). Иногда на рынках Хорасан встречались экзотические для этих мест российские товары, включая швейные машинки, граммофоны и т.д. Одной из проблем российского экспорта являлся ввоз товаров сначала в Мешхед, а затем из столицы Хорасана они поступали в другие города провинции и в соседние регионы, что значительно повышало на них цену [3, с. 45]. Непосредственная доставка товаров потребителям удешевила бы их стоимость. Специфика торговли в Восточной Персии, как и в целом в стране, заключалась в отсутствии специализированных лавок. Каждая лавка имела пестрый набор товаров, что следовало учитывать при организации торговли с Ближним Востоком.

Хорасан мог предложить России и другим государствам шерсть, хлопок, шкуры, меха, ковры, сушеные фрукты, опиум. Главной статьей экспорта Хорасана являлся вывоз шкур и мехов (1,5 млн руб. в год). Вторым по значению считался вывоз ковров (1 млн руб.). Основными потребителями знаменитых хорасанских ковров являлись Стамбул и Вена. Примерно на 1 млн. руб. в год Хорасан экспортировал опиум. В последние годы наблюдалась положительная динамика экспорта из провинции шерсти. Ее качество Н. П. Никольский оценивал не очень высоко, замечая, что экспорт шерсти контролировали российские и германские фирмы [3, с. 40]. В России шерсть в основном поставляли в Лодзь, стоимостью в 70–100 тыс. руб. в год. Хлопок, несмотря на потенциальные возможности провинции, не составлял основу ее экспорта. В год из Хорасана вывозилось продукции примерно на 28 тыс. руб., его качество значительно уступало бухарскому хлопку, что не могло не сказаться на его сбыте.

Накануне Первой мировой войны внимание генерального консульства в лице его руководителя А. М. Добижа привлекла торговля текстилем в Хорасане, составлявшей значительную часть импорта Восточной Персии. Ежегодно общий объем продажи тканей в начале XX в. в Мешхеде составлял около 3–3,5 млн руб. в год [4, с. 69]. Но в последние предвоенные годы он начал стремительно увеличиваться. Дипломаты отмечали до-

минирование России на рынке текстиля Хорасана на протяжении многих лет. Близость к границам империи, проведение Закаспийской железной дороги обеспечивали данное господство российских текстильщиков. Перевозка европейских тканей через Трабзон, Табриз и Тегеран занимала от 3 до 10 месяцев и вела к большим транспортным издержкам в виду отсутствия хороших путей сообщения в стране.

Однако ситуация начинает меняться после разрешения пересылки через территорию России почтовых посылок объемом до 12 фунтов по льготному тарифу. В результате с помощью данной коммуникации в Хорасан начинают поступать европейские товары, в том числе текстиль. Дипломаты обратили внимание на тот факт, что льготный почтовый тариф, используемый европейцами, ставил в невыгодное положение российских производителей, тративших на доставку товара из Москвы в Мешхед более значительные суммы [4, с. 69].

Главным препятствием для развития экспорта текстиля из России в Хорасан являлась отсутствие хорошей дороги между Асхабадом (Ашхабадом) и Мешхедом. Имевшаяся грунтовая дорога не выдерживала критики, ее состояние не позволяло осуществлять бесперебойную перевозку грузов и пассажиров. Ухабы и ямы приводили к гибели лошадей, поломке транспортных средств, порче товара. Во время перевозки грузов из Асхабада в Мешхед российские и персидские предприниматели несли колоссальные убытки, в конечном итоге сказывавшиеся на качестве продукции и ее стоимости. Товары европейских производителей поставлялась в хорошо упакованных почтовых посылках, что оказалось более рентабельно при льготном почтовом тарифе.

В 1913 г. Россия ввезла в Мешхед текстиля на 3,5 млн руб. Среди российских текстильщиков лидировали производители ситца из Москвы и Иваново-Вознесенска, экспортировавших продукции на 1,75 млн руб. (50%). Европейские конкуренты России ввезли тканей на 4 млн руб., существенно потеснив позиции российских экспортеров [4, с. 70]. Они смогли потеснить Россию в поставках таких ценных видов тканей как сукно, бархат, трико, шелк. Данное обстоятельство настораживало российское генеральное консульство. Современного шоссе между Асхабадом и Мешхедом могло улучшить ситуацию. Однако экономические и политические факторы не позволили осуществить данный проект вплоть до начала Первой мировой войны.

Большую часть российского текстиля персидские купцы приобретали на Нижегородской ярмарке в необходимом им объеме с распределение поставок в течении года. Они не пользовались услугами комиссионеров и посредников, предпочитая самостоятельно приезжать на Нижегородскую ярмарку. Продукцию персидские купцы приобретали, рассчитываясь наличными средствами или в кредит. В случае получения товара в кредит все равно вносился определенный

здаток. Кредиты выдавал Учетно-ссудный банк Персии.

Следует отметить, что российские предприниматели долгое время игнорировали важную специфическую черту ведения торговых операций в странах Ближнего Востока. Большая ее часть осуществлялась в кредит. В начале данное обстоятельство осознали европейские государства, предоставляя свою продукцию персидским купцам в кредит. После чего этот опыт перенимает Россия. Министр финансов России С. Ю. Витте, понимая необходимость активного экономического проникновения России в Персию, создает в 1894 г. банк для осуществления финансовых операций в Персии [10]. В 1902 г. он реорганизуется в «Учетно-ссудный банк Персии». Как уже отмечалось, в Мешхеде открывается одно из его представительств [8, с. 49]. Важное значение имело открытие отделений банка в Закаспийской области непосредственно у границ с Персией в Асхабаде и Мерве.

Из Нижнего Новгорода продукция по Волге во время навигации поставлялась в Астрахань, далее в Красноводск, Асхабад и Мерв а оттуда через границу в Мешхед. В Асхабаде и Мерве имелись склады, куда перевозились товары Пароходным обществом «Кавказ и Меркурий» [9]. Когда Волга замерзала, по железной дороге продукция поступала в Порт-Петровск и далее уже по отмеченному маршруту. Очень часто персидские купцы, чтобы сократить издержки во время поездки в Нижний Новгород или Москву, товаров приобретали для продажи в России экспортную продукцию (шкуры, шерсть, сухофрукты, хлопок и др.).

В Мешхеде персидские купцы продавали российский текстиль по цене значительно выше нижегородских цен, чтобы покрыть транспортные расходы и таможенные издержки. По уже сложившейся практике, значительная часть продукции продавалась в розницу в кредит. Местные купцы перекупали товар, развозя его по удаленным районам Хорасана и за его пределы.

Генеральное консульство в Мешхеде предложило несколько способов увеличения экспорта российского текстиля в Хорасан. Первый – запрет пересылки иностранных товаров с помощью почтового сообщения. Второй – постройка шоссе между Асхабадом и Мешхедом. Третий – строительство между этими городами железной дороги, в крайнем случае, соединение России с Персией железнодорожной линией в любом другом месте. Четвертый – надежная упаковка грузов, поступающих из России в Персию [4, с. 69].

Морской порт Бендер-Бушир (Бушир) являлся морскими воротами на юге Персии. Порт имел большое стратегическое и экономическое значение в зоне Персидского залива. Часть товаров, поступавших в порт, оставалась в городе и округе, но большая их часть шла транзитом в Восточную и Центральную Персию. В городе располагалось российское вице-консульство, отслеживавшее развитие ситуации в бассейне Персидского залива, включая международную торговлю. Поли-

тическое и экономическое присутствие России в данном регионе было крайне незначительным, здесь полностью доминировала Великобритания. Еще в 1763 г. Британская Ост-Индская компания основала в порту собственный «Перевалочный пункт». В ходе англо-персидской войны в 1856 г. порт был временно оккупирован британскими войсками. В 1913 г. вице-консульство возглавил Д. Д. Беляев, опытный дипломат, хорошо знавший Персию. С 1906 г. он возглавлял консульство в Кермане, в 1908–1909 г. консульство в Джедде (Аравия), с 1910 г. секретарь генерального консульства в Тегеране, с 1912 г. он работал в консульстве в Эрзеруме.

Через Бендер-Бушир Россия поставляла керосин, самовары, чай, чайную посуду, сахар и древесину. Вице-консул сетовал, что в регионе существовал большой спрос на текстильную продукцию, но Россия не могла добиться продвижения своей продукции в данном регионе. По мнению дипломата, первые успехи в этом направлении России достигает в 1904–1905 гг., когда первые крупные партии российского текстиля поступают в Бендер-Бушир. Однако последовавшая первая русская революция самым негативным образом сказалась на экспорте продукции из России на юг Персии. Забастовки и дезорганизация экономики страны привели к росту цен на российский текстиль и снижению его конкурентоспособности [2, с. 79].

Д. Д. Беляев среди причин неблагоприятного положения дел с реализацией российского текстиля выделял факт недобросовестной конкуренции со стороны британских предпринимателей. Когда они заметили рост спроса на ситец из Москвы и Лодзи, они сразу стали выпускать ситец такой же расцветки, как у россиян. Но их продукция оказалась значительно хуже по качеству, не выдерживая, никакой критики в сравнении с текстилем из России. Однако она имела одно важное преимущество, с чем постоянно сталкивались российские производители – низкая стоимость товара. Жители Персии в основном ориентировались не на качество, а на стоимость товара, поскольку они имели низкий уровень доходов [2, с. 79]. В результате спрос на продукцию из России практически полностью исчезает, поездки коммивояжеров, представлявших ее местным купцам, прекратились. Представительства московских и лодзинских фирм в Ширазе – экономическом центре юга Персии закрылись. Вице-консул видел дальнейшие перспективы для появления российского текстиля в регионе в его удешевлении, в том числе за счет снижения качества. В целом это была объективная оценка состояния дел на персидском рынке текстиля.

Россия традиционно доминировала в поставках керосина в Персию, значительно опережая своих конкурентов. В Бендер-Бушире ситуация развивалась несколько иначе. Российским производителям было сложно конкурировать с США и Великобританией в поставках керосина в зоне Персидского залива. Правда, у российской про-

дукции при более высокой цене имелось большое преимущество в виде качества продукции, что вызвало значительный потребительский спрос на него на юге Персии.

В начале XX в., по мнению Д. Д. Беляева, российские поставщики керосина столкнулись с большими проблемами. Первая русская революция нанесла колоссальный удар по нефтяной промышленности Баку. Многие промыслы оказались разрушены, значительный ущерб наносится нефтеперерабатывающим заводом и другой инфраструктуре, когда Баку стал объектом международных столкновений [6]. До начала Первой мировой войны Бакинский нефтедобывающий район не восстановил свое былое значение, так как его постоянно сотрясали забастовки и другие неурядицы. Другим отрицательным фактором, на взгляд вице-консула, явились монопольные соглашения между российскими нефтепромышленниками, приведшие к росту цен на керосин [2, с. 80]. Это позволяло им получать огромные прибыли без изменений в технологической базе [11, с. 17]. Провалами в нефтяной промышленности России быстро воспользовались ее конкуренты. Поставки керосина в зоне Персидского залива резко увеличивает «Стандарт Ойл», и недавно созданная «Англо-Персидская нефтяная компания», построившая собственный нефтеперерабатывающий завод в Абадане [7, с. 111]. Нефть на завод по нефтепроводу поступала из Ирака. Правда, себестоимость производства керосина в Абадане оставалась высокой, а его качество уступало не только российской, но и американской продукции.

Внимание вице-консула, привлекла деятельность «Стандарт Ойл», которая поставила перед собой задачу не только вытеснения российский производителей из портов Персидского залива, но и новой англо-персидской компании. «Стандарт Ойл» увеличил поток своего керосина, заполнив им регион, предоставив местным продавцам возможность для проведения демпинговой политики, даже в ущерб компании с целью разорения конкурентов, торгующим российским и англо-персидским керосином [2, с. 81]. Однако, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, производители из России сохранили под своим контролем довольно значительную часть рынка керосина в Бендер-Бушире.

Д. Д. Беляев стремился выделить факторы, способные увеличить поток российского керосина на рынок Южной Персии. Для этого следовало сосредоточить всю перевозку керосина в руках одной судоходной компании. Она должна была предоставить низкие тарифы на перевозку продукции, чтобы снизить цену на керосин в портах Персидского залива, а это можно было сделать только при оказании помощи компании со стороны государства. В качестве такой компании, по мнению дипломата, могло выступить «Российское общество пароходства и торговли» [2, с. 81]. В таких условиях Россия сможет конкурировать с США и «Англо-Персидской нефтяной компании»,

перспективы, деятельности которой вице-консул оценивал довольно пессимистично.

Большим спросом накануне Первой мировой войны в Южной Персии пользовалась посуда в основном чайная из стекла, фаянса и фарфора, произведенная в России. Через Бендер-Бушир часть продукции поступала даже в Ирак. Главным преимуществом российской посуды являлась ее огнеупорность, в чем поставщики из Западной Европы не преуспели. К тому же Россия оказала большое влияние на становление в Персии культуры чаепития, что отразилось не только в поставках посуды для осуществления данной процедуры. В Персии большим спросом начинают пользоваться самовары. С каждым годом поставки самоваров из России в Южную Персию увеличивались. Вице-консул уделял данному аспекту большое внимание. После прекращения в Персии анархии, вызванной революцией, страна постепенно возвращалась к нормальной жизни. Если пока самовары приобретали в основном состоятельные жители Персии, то по мере роста уровня жизни, продукция из России могла расширить число потребителей [2, с. 82].

В поставках других товаров в порт Россия имела неоднозначные результаты. Одной из крупнейших статей персидского импорта являлись поставки в страну сахара. Россия в отличие от успеха в Северной Персии имела здесь скромные результаты. Причин данного явления, по мнению вице-консула, было несколько. Во-первых, в Южной Персии и Месопотамии не пользовался спросом сахар-рафинад. В регионе, главным образом, потребители проявляли интерес к сахару-песку, имевшему крупные кристаллы, а в России сахарный песок имел небольшие кристаллы. Поэтому для расширения экспорта требовалось учесть данные вкусовые запросы местного населения. Во-вторых, Россия находилась на большом удалении от Южной Персии, в то время как французские и индийские производители разместили оптовые склады в Бомбее, где действовала крупнейшая в Азии сахарная биржа. В-третьих, местные купцы сталкивались с большими проблемами в проведении расчетов с производителями из России, поскольку с Бендер-Бушире отсутствовали представительства российских банков [2, с. 83].

Кроме отмеченных традиционных статей экспорта из России в порты Персидского залива, дипломат выделял положительную динамику в ввозе новых товаров, наблюдавшемся в последние годы. Россия начала поставлять доски и брусня, часть их них шла в Басру для производства ящиков для упаковки фиников. Некоторые успехи отмечаются в поставках муки, вермишели и макарон.

В завозе муки в Южную Персию доминировала Индия. Российская мука поставлялась в регион, но от сырого климата она быстро портилась и теряла свои вкусовые качества, хотя изначально она была более качественной в сравнении с индийской продукцией. Консул обращал внимание на исследования, проведенные в Одессе, в ре-

зультате чего выяснилось, что в индийскую муку добавлялись некоторые другие зерновые культуры, что делала ее более стойкой к капризам природы [2, с. 83]. Если в России освоили такой метод изготовления муки, то она, непременно, по мнению вице-консула, имела бы большой спрос в регионе. Первые партии вермишели и макарон, привезенные в Бендер-Бушир, быстро нашли покупателей, в том числе в Бахрейне, Кувейте и Дубае. Для расширения успеха данного вида российского экспорта, на взгляд дипломата, следовало организовать прямые поставки продукции в другие порты Персидского залива, минуя промежуточную перегрузку в Бендер-Бушире.

Южная Персия и другие регионы Персидского залива имели огромные запасы продовольствия и сырья, востребованные в России, хотя их экспорт оставался на минимальном уровне. Небольшая часть хлопка и шкур поставлялась в Россию сухопутным путем или с перезарушкой в Бендер-Бушире на германские суда. Существовавшая таможенная система в России стала, по мнению вице-консула, большим тормозом на пути перевозки товаров морским путем, так как пошлина на сухопутных границах страны с Персией была ниже, чем пошлина, уплачиваемая в порту Одессы. В результате Россия получала финики из Центральной Персии, вместо того, чтобы потреблять высококачественные финики, произведенные на юге Персии и Ирака и поставляемые почти во все ведущие государства мира.

Поэтому Д. Д. Беляев призывал правившую элиту страны и деловые круги более тщательно изучать рынок стран бассейна Персидского залива, проявлять больше гибкости и предприимчивости. Со всей очевидностью вице-консул констатировал грубые просчеты в организации внешнеэкономической деятельности со стороны государства [2, с. 83]. Бюрократический аппарат не поспевал за быстрыми изменениями конъюнктуры на внешних рынках, он не понимал специфику развития того или иного региона мира.

Таким образом, российские дипломаты, работавшие в Мешхеде и Бендер-Бушире, проявляли большой интерес к специфике развития Хорасана и Южной Персии. Особенно данная тенденция проявляется в донесениях генерального консульства в Мешхеде, в которых отмечались географические, историко-культурные, этнографические особенности развития провинции. Однако во всех без исключения донесениях доминировала экономическая тематика. Политические новости в Санкт-Петербург в основном доносило посольство в Тегеране. К тому же после подавления революции 1905–1911 гг. ситуация в стране несколько стабилизировалась. Российские дипломаты рассматривали экономику страны, как и другие сферы ее жизни в колониальном дискурсе. Они отмечали культурную отсталость населения, патриархальность методов ведения хозяйства, что помноженное на полное политическое бесправие населения привело к жесткому системному кризису Персии, в том числе в ее экономике. Восточная и Южная Персия интересовали дипломатов с двух точек зрения. Во-первых, как рынок сбыта промышленных товаров, продовольствия из России и источник поставок в империю сырья. Во-вторых, представители российского дипломатического корпуса прекрасно понимали, что укрепление политических позиций в Персии, которая относилась к зоне особых геополитических интересов России, невозможно без расширения ее экономического присутствия в стране. Однако для реализации данной задачи следовало улучшить транспортное сообщение со страной и предпринять решительные меры по поддержке государством российских экспортеров. Дипломаты осознавали, что кризисные явления в самой экономике России не могли не сказываться на ее экспортном потенциале. Поэтому без серьезного качественного рывка народного хозяйства России трудно было говорить о нарастании экономической экспансии империи на Ближнем Востоке, в том числе в Персии.

Источники и литература

1. Алиев С. М. История Ирана. XX век. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт +, 2004. 648 с.
2. Донесение Императорского Российского вице-консула в Бендер-Бушире Д. Д. Беляева. Положение Российской торговли в Персидском заливе // Донесения российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли. Вып. 38. Пг.: Тип-я В. Ф. Киршбаума, 1914. С. 79–87.
3. Донесение Императорского Российского консула в Мешхеде Н. П. Никольского. Административные, торгово-промышленные и экономические сведения по округу // Донесение российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли. Вып. 54. Пг.: Тип-я В. Ф. Киршбаума, 1915. С. 38–48.
4. Донесение Императорского Российского консула в Хоросане князя А. М. Дабижа. Торговля в Мешхеде мануфактурными товарами // Донесения российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли. Вып. 38. Пг.: Тип-я В. Ф. Киршбаума, 1914. С. 69–75.
5. Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета от 31 августа 1907 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1857–1917. М.: Госполитиздат, 1952. С. 386–393.
6. «В самом Отечестве нашем поднялася смута». Документы о Бакинской резне 1905 г. // Источник. 1995. №5. С. 48–65.
7. Международные экономические отношения. Коллективная монография / под ред. Н. Н. Любимова. М.: Книга по требованию, 1969. 435 с.
8. Павлова И. К. Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. №2. С. 47–60.

9. Пароходное общество «Кавказ и Меркурий» Волга и Каспийское море. Пароходство обществ «Кавказ и Меркурий» и «Восточное» Волга и Кама: в навигацию 1914 г. СПб.: Тип-я товар-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914. 101 с.
10. Устав «Ссудного общества Персии». СПб.: Артистическая скоропечатня. завед. В Кене и К°, 1890. 16 с.
11. Шепелев Л. Е. Проблемы организации нефтяного производства в дореволюционной России. Научные доклады №5, (R)-2009. СПб.: ВШМ СПбГУ, 2009. 38 с.
12. Norman D. Nicol. Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean. Vol 3. Oxford: Ashmolean Museum Oxford, 2012. 208 p.

References

1. Aliev S. M. Istorija Irana. XX vek (*History of Iran. Twentieth century*). Moscow: Kraft + publ., 2004. 648 p
2. Donesenie Imperatorskogo Rossijskogo vice-konsula v Bender-Bushire D. D. Beljaeva. Polozhenie Rossijskoj trgovli v Persidskom zalive (*Report of the Imperial Russian Vice Consul in Bender-Bushehr D.D. Belyaev. The position of Russian trade in the Persian Gulf*) // Donesenija rossijskih konsul'skih predstavitelej za granicej po trgovno-promyshlennym delam. Ministerstvo trgovli i promyshlennosti. Otdel trgovli. Issue. 38. Petrograd: V.F.Kirshbaum's publ., 1914. p. 79–87.
3. Donesenie Imperatorskogo Rossijskogo konsula v Meshhede N. P. Nikol'skogo. Administrativnye, trgovno-promyshlennye i jekonomicheskie svedenija po okrugu (*Report of the Imperial Russian Consul in Mashhad N. P. Nikolsky. Administrative, commercial, industrial and economic information in the district*) // Donesenie rossijskih konsul'skih predstavitelej za granicej po trgovno-promyshlennym delam. Ministerstvo trgovli i promyshlennosti. Otdel trgovli. Issue. 54. Petrograd: V. F. Kirshbaum's publ., 1915. P. 38–48.
4. Donesenie Imperatorskogo Rossijskogo konsula v Horosane knjazja A. M. Dabizha. Torgovlja v Meshhede manufakturnymi tovarami (*Report of the Imperial Russian Consul in Khorosan of Prince A. M. Dabizh. Mashhad Trade in Manufactured Goods*) // Donesenija rossijskih konsul'skih predstavitelej za granicej po trgovno-promyshlennym delam. Ministerstvo trgovli i promyshlennosti. Otdel trgovli. Issue. 38. Petrograd: V.F.Kirshbaum's publ., 1914. P. 69–75.
5. Konvencija mezhdu Rossiej i Anglije po delam Persii, Afganistana i Tibeta ot 31 avgusta 1907 g. (*Convention between Russia and England on the affairs of Persia, Afghanistan and Tibet of August 31, 1907*) // Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1857-1917. Moscow: Gospolitizdat publ, 1952. P. 386–393.
6. «V samom Otechestve nashem podnjalasja smuta». Dokumenty o Bakinskoj rezne 1905 g. (*In our Fatherland itself, unrest arose.*) *Documents on the Baku massacre of 1905* // Istochnik. 1995. No.5. P. 48–65.
7. Mezhdunarodnye jekonomicheskie otnoshenija. Kollektivnaja monografija (International economic relations. Collective monograph) / ed by N. N. Ljubimov. Moscow: Kniga po trebovaniju publ., 1969. 435 p.
8. Pavlova I. K. Iz istorii dejatel'nosti Uchetno-ssudnogo banka Persii (po materialam russkih arhivov) (*From the history of the operations of the Accounting and Loan Bank of Persia (based on materials from the Russian archives)*) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2017. Vol. 22. No.2. P. 47–60.
9. Parohodnoe obshhestvo «Kavkaz i Merkurij» Volga i Kaspijskoe more. Parohodstvo obshhestv «Kavkaz i Merkurij» i «Vostochnoe» Volga i Kaма: v navigaciju 1914 g. (*The shipping company «Caucasus and Mercury» Volga and the Caspian Sea. Shipping Company «Caucasus and Mercury» and «Eastern» Volga and Kama: into Navigation 1914*). St.Petersburg: Novee vremja publ., 1914. 101 p.
10. Ustav «Ssudnogo obshhestva Persii» (*Charter of the Persian Loan Society*). St.Petersburg: Kene and C° publ., 1890. 16 p.
11. Shepelev L. E. Problemy organizacii nefljanogo proizvodstva v dorevoljucionnoj Rossii (*Problems of organizing oil production in pre-revolutionary Russia*) // Nauchnye doklady No.5, (R)-2009. St.Petersburg: SPbSU publ., 2009. 38 p.
12. Norman D. Nicol. Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean. Vol 3. Oxford: Ashmolean Museum Oxford, 2012. 208 r.

Сведения об авторе

Наумова Наталия Александровна – заместитель руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Москва) / natalya.naumova79@icloud.com

Information about the author

Naumova Natalia – deputy head, Federal Oversight Service for Education and Science (Moscow) / natalya.naumova79@icloud.com